

Аглая Юрьева
Санкт-Петербург
smiga58@list.ru

ОРАНЖЕРЕЯ

(по мотивам произведений В.М.Гаршина)

*Пьеса для экспериментального театра**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Обитатели оранжереи:

Пальма Attalea Sexta

Саговая пальма

Древовидный папоротник

Шаровидный кактус

Опунция

Роза сорта «Черная магия»

Газонная травка

Жаба (*мужская роль*)

Смотритель оранжереи

Гость из Далекой страны

Переводчик

Врач

Соня, его жена

Надежда Николаевна, его любимая женщина

Сергей, сожитель и мучитель Надежды Николаевны

Безумец

Обитатели дома для душевнобольных, санитары, рабочие оранжереи

На сцене Оранжерея с южными растениями. Границы оранжереи хорошо бы обозначить вертикальными рейками. В левом углу - Attalea sexta, справа от нее – Саговая пальма, Древовидный папоротник, в правом дальнем углу Роза, в правом углу ближе к зрителям Шаровидный кактус и Опунция. Газонная травка лежит ближе к пальмам.

Саговая пальма. Ой, как пить хочется! Скажите, пожалуйста, скоро ли нас будут поливать? Я, право, кажется, засохну сегодня.

Шаровидный кактус. Меня удивляют ваши слова, соседка. Неужели вам мало того огромного количества воды, которое на вас выливают каждый день? Посмотрите на меня: мне дают очень мало влаги, а я все-таки свеж и сочен.

Саговая пальма. Мы не привыкли быть чересчур бережливыми. Мы не можем расти на такой сухой и дрянной почве, как какие-нибудь кактусы. Мы не привыкли жить как-нибудь. А вы живите, как хотите. И кроме всего этого, скажу вам еще, что вас не просят делать замечания.

Опунция. Ох уж эта Саговая пальма! Вечно ей чего-то недостает. Что касается меня, то я почти довольна своим положением. Правда, здесь скучновато, но уж я, по крайней мере, уверена, что меня никто не пустит на корм скоту.

Древовидный папоротник. Ну, конечно же, дражайшая Опунция! Многим может показаться раем и эта тюрьма после жалкого существования, которое они вели на воле.

Опунция. Сами вы жалкий! Посмотрите на себя, замарашка непричесанная! Одно слово – папоротник!!!

Саговая пальма. Ах, просто умираю без воды, вот прямо сейчас и умру. Ох, какой здесь спертый воздух. Воды! Дайте воды!

Шаровидный кактус. Да прекратите вы стонать! От вашего стога все тело раскалывается. Нечего жить на широкую ногу. А то не успела получить – и тут же все разбазарила. Получил – так побереги, придержи для себя. Ишь, космы-то распустила. Кто ни придет в оранжерею, так и норовит за ветки схватиться. А до меня-то, до меня-то никто не дотронется.

Саговая пальма. От вас ничего кроме оскорблений не услышишь, колкий вы какой!

Древовидный папоротник. Да, живем как умеем. Ничего себе не оставляем – все отдаем. А здесь и в самом деле невыносимо душно.

Опунция (Папоротнику). Да от вас тут один мусор, все сохнете и сохнете. По кому сохнешь-то, лохматый?

Древовидный папоротник. Да не понять тебе, скотный корм. Ты ж тупая, как коровий желудок! Я так тоскую по воле, по свежему воздуху, южному небу и ливням

Саговая пальма. Ах, как же хорошо напиться корнями вволю!

Опунция. Вы всю себя сразу же растреплете, дурочка!

Attalea Sexta. Зачем вы ссоритесь? Разве вы поможете себе этим? Вы только увеличиваете свое несчастье злобою и раздражением. Лучше оставьте ваши споры и подумайте о деле. Послушайте меня: растите выше и шире, раскидывайте ветви, напирайте на рамы и стекла, наша оранжерея рассыплется в куски, и мы выйдем на свободу. Если одна какая-нибудь ветка упрется в стекло, то, конечно, ее отрежут, но что сделают с сотней сильных и смелых стволов? Нужно только работать дружнее, и победа за нами.

Древовидный папоротник. Да, это так! Очень правильно! Я – за!

Саговая пальма. Всё это глупости! Вздор! Нелепость! Рамы прочны, и мы никогда не сломаем их, да если бы и сломали, так что ж такое? Придут люди с ножами и с топорами, отрубят ветви, заделают рамы и всё пойдет по-старому. Только и будет, что отрежут от нас целые куски...

Древовидный папоротник. Да... В прошлом году бурей выбило стекло. Помните, как мы все ежились от холода и увядали. У меня столько лап отмерзло. Хорошо, что работники быстро поставили новую раму.

Растения кивают.

Шаровидный кактус. К тому же здесь я здоровею от биогумуса. Все-таки микроклимат иногда бывает лучше климата.

Опунция. А я могу быть спокойна, что не окажусь в чьем-нибудь желудке.

Attalea Sexta. Ну, как хотите! Теперь я знаю, что мне делать. Я оставлю вас в покое: живите, как хотите, ворчите друг на друга, спорьте из-за подачек воды и оставайтесь вечно под стеклянным колпаком. Я и одна найду себе дорогу. Я хочу видеть небо и солнце не сквозь эти решетки и стекла, - и я увижу!

Саговая пальма (тихо). Ну, посмотрим, посмотрим, как тебе отрежут твою большую башку, чтобы ты не очень зазнавалась!

Опунция. И тебе бы тоже не мешало ее подрезать. Ты мне своими ветками вид из окна заслоняешь.

Шаровидный кактус. Да уж. Почему нужно так раскидывать, разбрасываться? Есть же перед вами примеры.

Древовидный папоротник. Уж не с Опунции ли пример брать? Кактус не кактус, а так название одно. Где твои колючки? Пупырчатая, как жаба.

Жаба (вылезая из-за кадки с пальмой). Ну-ка, потише!

Саговая пальма (вопит). Ой-ой-ой, кто это? Кто там у корней моих?

Жаба (выходит, потягивается, осматривается). Хм. Ну что ж! Тепло, сыро. Сейчас посмотрим, как насчет того, чтобы покушать.

Саговая пальма. Простите, а как вы сюда попали? Это оранжерея для экзотических растений.

Жаба (игнорируя ее вопрос, осматривая ее). Улиток здесь не наблюдается. Та-ак. Остаются корешки.

Саговая пальма (в волнении). Почему вы так пристально меня разглядываете? Зачем вам мои корни? Вон посмотрите на опунцию, это вполне съедобное растение. У себя на родине она идет на корм скоту.

Жаба. Я что, скот по-твоему, а?

Саговая пальма (в растерянности). Извините, я просто очень нервничаю без воды.

Жаба. А чего нервничать? Корни хорошие, сладкие. (Саговая пальма рыдает.)

Опунция (Жабе). Конечно, конечно. Жаль, что она совсем не плодоносит, а то бы был вам корм. О, вы посмотрите, мы с вами как будто родственники. И формой похожи, овальной. И пупырышками.

Жаба. Но ты же зеленая! А я серая. И что-то ты тощая. Как тебя едят?

Опунция. Вы хотели сказать: как тебя зовут?

Жаба. Мне не нужно знать твоего имени (Трогает Опунцию лапой). Ну что ж, сойдешь и ты... А что ж ты не плачешь?

Древовидный папоротник. Ей даже слезы не выдавить! Жадоба.

Слышно, как кто-то приближается. Растения затихают. Жаба прячется за одной из кадок. Входят Гость из Далекой страны с переводчиком, Смотритель (Смотритель едва заметно хромает). Любуются растениями. Наконец подходят к Attalea sexta.

Гость из Далекой страны (восхищенно). О! Мгавабу-буа-гнма! Му-ба. Му-ба. Бвага-Бвага. Буа, буа. Гу.

Переводчик. Господин Мугабе говорит, что это дерево на его родине называется мгавабу-буа-гнма.

Смотритель. Извините, но господин директор говорит, что это - Attalea sexta. Вот и табличку поставили.

Переводчик переводит слова Смотрителя.

Гость из Далекой страны. Му-бубу нгава-нгава бома му. Мгавабу-бу-гнма!

Переводчик. Господин Мугабе говорит, что вполне верит вам, но у нее есть и родное, настоящее имя.

Смотритель. Господин директор говорит, настоящее имя есть то, которое дается наукой.

Переводчик переводит.

Гость из Далекой страны. Мапаки-буа, нгам-нгам. Мгавабу-бу-гнма.

Переводчик. Господин Мугабе говорит, что это дерево почитается в его стране и ему больно видеть его растущим не на воле, а в оранжерее.

Смотритель. Но зато господин Мугабе тут может вспомнить свою родину с ее роскошными лесами, жаркое солнце и чудесное небо.

Переводчик переводит. Гость из Далекой страны кивает, что-то говорит Переводчику.

Переводчик. Господин Мугабе сказал, что он совершенно согласен с вашими словами. Он считает, что нет ничего лучше родины, а он объездил почти весь свет.

*Гость из Далекой страны почтительно прикасается к стволу *Attalea sexta* и уходит с Переводчиком.*

Смотритель (прежде чем уйти за ними, глядя на *Attalea sexta*). Ишь, вымахала, бубугма! И куда ты так тянешься?! Господин директор все равно не станет надстраивать оранжерею. А ты скоро высадишь своей макушкой верхнее стекло. (*Уходит.*)

*Жаба вылезает из укрытия. Приближается к *Attalea sexta*, осматривает ее.*

Жаба. Ну и верзила!

Саговая пальма. Гордячка! Вообразила, что она особенная. Ну, посмотрим, посмотрим, как тебя окоротят!

Газонная травка. Я не знала южной природы, но тоже любила воздух и свободу. Оранжерея и для меня тюрьма. Здесь меня все топчут и скоро совсем вытопчут. Если я, ничтожная, вялая травка, так страдаю без своего серенького неба, без бледного солнца и холодного дождя, то что должно испытывать в неволе это прекрасное и могучее дерево!

Жаба (пинает травку). Мокрица! Где хорошо, там и родина.

Древовидный папоротник. Кажется, наоборот, где родина, там и хорошо.

Саговая пальма (гордо). Я слышала, как господин директор гордился, что такие экземпляры выросли у него в оранжерее, каких не встретишь и на их родине.

Жаба. Не лучше ли сидеть там, где много корму – улиток, слизняков и мошек, чем вот так биться головой в преграду. От добра добра не ищут. Вряд ли вы слышали историю о лягушке-путешественнице.

Шаровидный кактус. Что вы говорите?! Путешественнице?

Жаба. Да. Жила-жила и захотела в жаркие страны. Мало ей жратвы было в своем болоте. Пролетевших уток попросила взять с собой. Прицепилась за веточку, две утки с двух концов взяли веточку в клювы – так и полетели, пока в болото не шмякнулась.

Шаровидный кактус. Не удержалась?

Жаба. Ну нет! Тут другое. Ей еще захотелось, чтобы о ней узнали. Чтобы городу и миру всем стало о ней известно. Как-то увидели люди, что утки лягушку несут. Вот стали кричать: чудо-то какое. Как здорово! Кто ж такое придумал? А эта дура возьми да и заори во все горло: « Это я! Я придумала!» Повезло, что бултыхнулась в наш пруд на краю деревни. Долго фасонила перед местными, мол, захала только посмотреть, как вы тут живете. Я-де пробуду у вас до весны, пока не вернутся мои утки, которых я отпустила. Наши, местные, ее не очень-то любили. Ну и жила, пока аист не сожрал.

Шаровидный кактус. Какая нелепая судьба!

Жаба. Не высовывайся! Сиди тихо. До определенной поры.

Шаровидный кактус. Это вы мне?

Жаба. Тебе тоже! (*K Attalea Sexta*). Так что тоже не выделяйся, лидера из себя не корчи, *Attalea Sexta* ! Ты всего-навсего шестая! Шестерка! (*Мерзко хохочет.*)

Возвращается Смотритель и работники Оранжереи. Жаба прячется за кадку.

Смотритель. Вон как размахалась. Скоро упрется в потолок. Нужно растянуть ветки и пригнуть макушку.

Работники растягивают веревками две большие ветви и наклоняют крону.

Жаба (хихикая). Распни! Распни!

Работники со Смотрителем уходят.

Жаба. Ну все. Скрутили.

Газонная травка (*подползая к Attalea Sexta и обнимая ее ствол*). Вам больно?

Attalea Sexta. Что значит больно, если я хочу выбраться на свободу.

Газонная травка. Я - маленькая травка и никогда не доберусь до свободы, но ведь вы так велики и сильны! Вы освободитесь от пут, ваш ствол тверд, и вам уже недолго осталось расти до стеклянной крыши. Вы пробьете ее и выйдете на божий свет. Тогда вы расскажете мне, всё ли там так же прекрасно, как было. Я буду довольна и этим.

Attalea Sexta. Отчего же, маленькая травка, ты не хочешь выйти вместе со мною? Мой ствол тверд и крепок: опирайся на него, ползи по мне. Мне ничего не значит снести тебя.

Газонная травка. Нет уж, куда мне! Посмотрите, какая я вялая и слабая: я не могу приподнять ни одной своей затоптанной веточки. Нет, я вам не товарищ. Только прошу вас, когда выйдете на свободу, вспоминайте иногда своего маленького друга!

Жаба (хихикая). Свободы захотела! (*Вдыхает широко воздух, беспокойно.*) Что-что такое?

В правом углу распускается Роза. Жаба приближается к ней, обходит, восторженно смотрит на цветок, вдыхая аромат, млеет от розового запаха.

Жаба. Я тебя слопаю!

Роза. Ах!

Жаба (*совсем приблизившись*). Я тебя слопаю!

Роза. Ах, неужели я появилась на свет, чтобы тут же погибнуть! Зачем я прикреплена к своему стебельку? Почему я не вольная птичка или беззаботная бабочка и не могу улететь от своей гибели?

Жаба. Ха-ха-ха! Жабы подстерегают и бабочек! (*Уколовшись о шипы*). А-а-а! (*Отпрыгивает, рассматривает окровавленные лапы*). Как больно! Ненавижу!... Но я сказала, что слопаю – и слопаю!

Слышен небольшой шум снаружи. Это душевнобольные вереницей проходят на прогулку мимо Оранжереи. Некоторые безучастны, некоторые с любопытством заглядывают в окна оранжереи. Больные обходят Оранжерею. Последним появляется Безумец. Он обращает внимание на Attalea sexta, приближается к окнам оранжереи, видит, что маленькая запасная (служебная) дверь приоткрыта, входит, подходит к пальме, смотрит, как растянуты веревками ее ветви, становится спиной к ее стволу и принимает похожую позу: руки раскинуты, голова опущена на грудь. Какое-то время неподвижен. Шорох в правом углу (это Жаба отползла от Розы) отвлекает его. Безумец видит Розу.

Безумец. Красный цветок! Вот же он! Какой яркий! Яркий, яркий, яркий! Он побеждает! Он побеждает! Но мы посмотрим!..

Подходит к Розу и протягивает руку, чтобы сорвать, но тут вбегает Смотритель.

Смотритель. Нельзя рвать. И зачем зашел? Сюда не ходи! Тут много вас, сумасшедших, найдется: каждый по цветку, всю оранжерею разнесут. (*Выпроваживает его из оранжереи.*) И додумались же сюда перевести лечебницу! (*Закрывает дверь изнутри, подходит к Розе, проверяет, все ли в порядке, потом уходит.*)

Безумец (один). О несчастный! Ты не видишь, ты ослеп до такой степени, что защищаешь этот красный цветок. Но во что бы то ни стало я покончу с ним. Не сегодня, так завтра мы померяемся силами. И если я погибну, не все ли равно... (*Подходит к окну Оранжереи, смотрит на Розу, сжимает кулаки.*) Я утомлю тебя! Я задушу тебя!

Вновь появляется вереница обитателей лечебницы, больные обходят Оранжерею. Безумец уходит вслед, грозя кулаком Розе. Темнеет.

Просцениум. Появляется Смотритель

Смотритель. Ветрено... Воеет, стонет ветер. А я брожу по пустой набережной один. Не потому, что я не нашел себе теплого угла, а по моей собственной фантазии. (*Слышен звон городских часов*). Бом! Бом! Два часа! Еще шесть часов до света! Тогда эта черная, холодная и ветреная ночь уйдет и даст место серому дню. Пойду ли я домой? Не знаю; мне решительно все равно. Мне не нужно сна. Каждый удар часов совпадает с ударами моего больного сердца о стенки его тесного помещения. Ну вот, я уже начал рассказывать вам о своих ранах. Но уж таково глупое, бедное человеческое сердце. Когда оно ранено, оно мечется навстречу каждому встречному и ищет облегчения. И не находит его. Это совершенно понятно, кому нужен дырявый, нештопанный чулок? Всякий старается отбросить его носком подальше от своей ноги... От ноги... Вы ничего не заметили? Я человек на одной ноге. Нет, нет, сейчас у меня очень хороший протез. я даже почти не хромаю. Когда я говорю об этом, многие удивляются: ты же совершенно не хромаешь... не хромаешь....

Когда-то давно, весной, я познакомился с Соней, наверно, самую лучшею из всех Сонь в мире. Познакомился я с нею на этой самой набережной, которая вовсе не была так холодна, как теперь. И у меня была настоящая нога, настоящая стройная нога, такая же, как и моя оставшаяся левая. Я вообще был довольно строен и молод, уж конечно, не походил на нынешнего. Итак, я познакомился с нею... А потом мы стали встречаться! Ах, какие это были ночи! Что лучше их? Это не душная ночь юга, с его странным черным небом и большими звездами, преследующими нас своими взглядами. Здесь все светло и нарядно. Разноцветное небо холодно и красиво; известная по месяцеслову "заря во всю ночь" золотит север и восток; воздух свеж и резок; река катится, гордая и светлая, и спокойно плещет маленькими волнами о камни набережной. И на этой набережной стою я. И на мою руку опирается девушка. И эта девушка...

А потом эта непонятная война. Соня приказала мне быть героем. «Когда ты вернешься, я стану твоей женой, - говорила она. - Вернись!

Ты всем существом своим протестуешь против войны, а все-таки война заставит тебя взять на плечи ружье, идти умирать и убивать. Да нет, это невозможно! Я, смиренный, добродушный молодой человек, знавший до сих пор только свои книги, думавший через год-два начать иную работу; я, наконец, привыкший смотреть на мир объективно, привыкший ставить его перед собою, думавший, что всюду я понимаю в нем зло и тем самым избегаю этого зла, - я видел все мое здание спокойствия разрушенным, а самого себя напяливающим на свои плечи то самое рубище, дыры и пятна которого я сейчас

только рассматриваю. И никакое развитие, никакое познание себя и мира, никакая духовная свобода не дали мне жалкой физической свободы - свободы располагать своим телом.

Ну, да это все равно. Все кончено; теперь я не принадлежал себе, я плыл по течению; теперь самое лучшее было не думать, не рассуждать, а без критики принимать всякие случайности жизни и разве только выть, когда больно...

«Когда ты вернешься, я стану твоей женой. Вернись!» Я пошел драться из-за Сони, но я честно исполнил свой долг и относительно родины.

Я бодро шел в жару, по песку и камням. Когда случилась первая встреча с ними, я не струсил: за это меня даже наградили. Когда случилась вторая встреча - что-то хлопнуло, и я хлопнулся о камни. Какие-то странные звуки доходили до меня... Как будто бы кто-то стонал. Стоны были так близко, а около меня, кажется, никого не было... Боже мой, да ведь это - я сам! Тихие, жалобные стоны; неужели мне в самом деле было так больно? Должно быть. Только я не понимал этой боли, потому что у меня в голове туман, свинец. Лучше было бы лечь и уснуть, спать, спать... Только проснулся бы я когда-нибудь? Я проснулся... Доктор в белом переднике, с окровавленными руками... Сестры милосердия... Моя отрезанная нога с родимым пятном ниже колена... Все это как сон пролетело мимо меня.

Первая деревянная нога гулко стучала, когда я шел к Соне, не такой, как прежде, а такой вот раскорякой. Дурное слово, но мне теперь не до слова. Наконец вот и дверь. Я звоню с замиранием сердца. «Когда ты вернешься, я стану твоей женой. Вернись!» . Отворяет мне Сониная бабушка, и я, не слушая ее радостных возгласов, бегу (если можно бежать на разнокалиберных ногах) в ее комнату. Соня!.. Она не одна: она сидит с своим дальним-дальним родственником, очень хорошим молодым человеком, который при мне заканчивал университет и рассчитывал получить по окончании очень хорошее место. Оба они очень нежно (вероятно, по случаю деревяшки) поздоровались со мною, но оба были сконфужены. Через четверть часа я все понял.

Я не хотел становиться поперек их счастья. Более того, я был у них на свадьбе.... Как это теперь называется... раньше называлось шафером. Вы ехидно улыбаетесь: как поверить всем этим рассказам? Кто же уступит любимую девушку какому-нибудь шалопаю даром? Во-первых, он вовсе не шалопай, а во-вторых... Я бы, пожалуй, сказал вам, что во-вторых... но вы не поймете... Вы не поймете, потому что не верите, что в наше время есть добро и правда. Вы бы предпочли несчастье трех людей несчастью вас одного. Вы не верите мне. И не верьте; бог с вами!

Бом! Бом! Бом! Бом! Четыре часа. Пора идти домой, броситься на одинокую холодную постель и уснуть. (*Уходит.*)

Кабинет Врача. Врач за столом рассматривает медицинскую карту Безумца.

Врач. За прошлую неделю он изрядно потерял в весе. За вчерашний день еще минус. Фельдшер говорит, что он почти не спит и все время находится в движении. Если дальше так пойдет, он не выживет.

Входит Безумец в сопровождении санитаря.

Доброе утро! (*Показывает на стул. Безумец садится.*) Как вы себя чувствуете?

Безумец (*вскакивая*). Отлично! Прекрасно! Только одно: вот! Я не могу повернуть шеи без боли. Но это ничего. Все хорошо, если его понимаешь; а я понимаю. (*Садится.*)

Врач. Вы знаете, где вы?

Безумец. Конечно, доктор! Я в сумасшедшем доме.

Врач. Ну-ну-ну. В лечебнице.

Безумец. Но ведь, если понимаешь, это решительно все равно. Решительно все равно... Что вы так пристально смотрите на меня? Вы не прочтете того, что у меня в душе, а я ясно читаю в вашей! (*Вскакивает, быстро ходит из угла в угол.*) Зачем вы делаете зло? Зачем вы собрали эту толпу несчастных и держите ее здесь? Мне все равно: я все понимаю и спокоен; но они? К чему эти мученья? Человеку, который достиг того, что в душе его есть великая мысль, общая мысль, ему все равно, где жить, что чувствовать. Даже жить и не жить... Ведь так?

Врач. Может быть.

Безумец. И у меня она есть! И когда я нашел ее, я почувствовал себя переродившимся. Чувства стали острее, мозг работает, как никогда. Что прежде достигалось длинным путем умозаключений и догадок, теперь я познаю интуитивно. Я достиг реально того, что выработано философией. Я переживаю самим собою великие идеи о том, что пространство и время суть фикции. Я живу во всех веках. Я живу без пространства, везде или нигде, как хотите. И поэтому мне все равно, держите ли вы меня здесь или отпустите на волю, свободен я или связан. Я заметил, что тут есть еще несколько таких же. Но для остальной толпы такое положение ужасно. Зачем вы не освободите их? Кому нужно...

Врач (перебивая). Вы сказали, что вы живете вне времени и пространства. Однако нельзя не согласиться, что мы с вами в этой комнате и что теперь (*глядя на часы*) половина одиннадцатого 12 ноября **** года. Что вы думаете об этом?

Безумец. Ничего. Мне все равно, где ни быть и когда ни жить. Если мне все равно, не значит ли это, что я везде и всегда?

Врач. Редкая логика. Пожалуй, вы правы. До свидания. Не хотите ли вы сигарету?

Безумец. Благодарю вас. (*Берет сигарету.*) Это помогает думать. Это мир, микрокосм. На одном конце щелочи, на другом - кислоты... Таково равновесие и мира, в котором нейтрализуются противоположные начала. Прощайте, доктор!

Врач (Санитару). Кормите его как можно лучше. При нынешнем положении это его единственная поддержка.

Безумец (Санитару). Да-да, мне нужно сильно подкрепиться. Эх, если бы вы знали, сколько сил мне нужно, сколько сил! (*Идет к дверям.*)

Врач (Санитару, шепотом). И на прогулке, пожалуйста, последите. Из оранжереи жаловались: чуть не погубил там экзотический цветок.

Безумец (услышав, возвращается). О! В этот яркий красный цветок собралось все зло мира. С той минуты, как я увидел его, я вполне постиг, что именно должен совершить на земле. Нужно было сорвать его убить.

Врач. Голубчик, успокойтесь. Это вовсе не тот цветок, который вам нужно уничтожить. Это особый сорт розы – «Черная магия». Видите, даже и не красный вовсе.

Безумец. Нет, сердцевина его черная, как черная желчь, но когда он впитывает невинно пролитую кровь, он становится красным. Я видел его только что распустившимся. Теперь он уже готов. Я послал бы вас, но это могу сделать только один я. Вы умерли бы от одного прикосновения. Дайте мне кончить дело! Тогда все будет спасено. (*В припадке*) Нужно убить его, убить! Убить!

Санитар удерживает Безумца и связывает ему рукава смирительной рубашки.

Врач (Санитару). Срочно скажите фельдшеру, пусть сделает укол. Следите за ним, сегодня не выпускать.

Санитар с Безумцем покидают кабинет. Безумец выкрикивает: «Вы не понимаете, что вы делаете! Вы погибаете!»

Врач (один). Да-а, видно, что жизнь оскорбила в нем чувство справедливости, и мысль о жизненной неправде есть главный корень его душевного страдания. А расстройство

психики и физическая боль только осложняют напряженную работу совершенно определенной мысли. Однако так он долго не протянет. Успокоительные на него уже не действуют... Сознает, что болен, что его место здесь, а другим просит свободы. Свободы... Разве им нужна свобода? Что они будут делать на свободе? Они как тепличные растения погибнут вне стен. Тут тоже своя оранжерея. И я – главный ее смотритель. Никакое начальство не пользуется таким почетом от своих подчиненных, каким доктор-психиатр от своих помешанных. (*Стенные часы бьют полдень. Обращаясь к часам.*) Ваша песня безотраднa и уныла. Три, четыре, десять лет тому назад вы стучали точно так же, как и теперь, и через десять лет будете стучать точно так же... совершенно так же! Под такт вашего хода прошла почти вся жизнь с своим кажущимся разнообразием: с горем и радостью, с отчаяньем и восторгом, с ненавистью и любовью... Отчего часы, к звуку которых, кажется, давно бы пора было привыкнуть, напоминают мне так много? Всю жизнь. "Помни, помни, помни..." Помню! Даже слишком хорошо помню, даже то, что лучше бы не вспоминать. От этих воспоминаний искажается лицо, кулак сжимается и бешено бьет по столу... (*Открывает ящик стола, достает конверт*). "Помни, помни, помни...". О да, я помню. Мне не нужно напоминать. Вся жизнь - вот она, как на ладони. Есть чем полюбоваться! (*Вытаскивает из конверта письмо.*) Я никогда ничего не скрывал от нее. Я говорил с ней обо всем, что думал и чувствовал, и разве только то, чего я сам не подозревал в душе или в чем не сознавался перед самим собою. Ах, моя миленькая маленькая жена. Соня... Самая лучшая из всех Сонь, как называл ее бывший приятель. Но она знала меня. Несмотря на свои девятнадцать лет, она чуткой, любящей душой поняла то, в чем я не смел себе сознаться, что ни разу не сказалось в моей голове определенными словами.

На заднем темном плане, за спиной Врача в свете появляется Соня.

Соня. Ты любишь ее, Андрей. Дай бог тебе счастья...

Врач. Это была правда: я любил ее. Я не испытал еще до сих пор этого чувства. Я называл любовью свою привязанность к Соне и не поверил бы, если б мне сказали, что я могу полюбить другую женщину. Мне казалось, что судьба моя решена: "Вот жена твоя, - сказал мне господь, - и у тебя не должно быть другой", - и в этом я утвердился, спокойный за будущее и уверенный в своем выборе. Любить другую женщину казалось мне ненужной и недостойной прихотью. (*Читает письмо.*) «Обо мне не думай. Я не хочу сказать : забудь меня совсем...»

Соня. Обо мне не думай. Я не хочу сказать: забудь меня совсем, но только то, чтобы ты не думал о моем страдании. Я не стану жаловаться на свое разбитое сердце - и знаешь, почему? Потому, что оно вовсе не разбито. Я люблю тебя больше всех на свете; я могла бы и не писать этого потому что ты это знаешь сам; но когда я прочла твое последнее письмо и сказала себе правду о тебе и Надежде Николаевне, - поверь мне, дорогой мой, что ни капли горечи не влилось в мое чувство. Я поняла, что я для тебя сестра, а не жена; поняла это из своей радости за твое счастье - радости, смешанной со страхом за тебя. Я не скрываю этого страха; но дай бог тебе быть счастливым, и сделать ее счастливой.

P.S. Из того, что ты писал мне о Надежде Николаевне, я думаю, что она достойна твоей любви...

Врач. Я любил ее мучительною и страстною любовью человека, до сих пор не знавшего любви. Я хотел бы вырвать ее из ужаса, в котором она терзалась с этим ничтожеством, изводившим ее, мучившим и ведшим ее к пропасти. Я хотел бы унести на своих руках куда-нибудь далеко, убаюкать ее на своей груди, чтобы она могла забыться, оживить это убитое лицо улыбкой счастья... И вот пришло это странное и несчастное создание с разбитой жизнью и страданьем в глазах.

На заднем плане в луче света Надежда Николаевна. Диалог происходит таким образом, что Врач не поворачивается к Надежде Николаевне.

Надежда Николаевна. Андрей, берегитесь. Заприте дверь... не впускайте никого. Он придет сейчас.

Врач. Что он сделал с вами? Где вы его видели? Успокойтесь. Выпейте еще воды и расскажите.

Надежда Николаевна. Он был у меня... Я просила его перестать ходить ко мне...

Врач. Что ж дальше?

Надежда Николаевна. Он говорил о вас. Он не говорил о вас ничего дурного; сказал только, что вы человек впечатлительный и увлекающийся и что я не могу надеяться на вас. Он просто сказал, что вы меня бросите, потому что вам скоро надоест возиться со мной... К тому же вы женаты... *(Плачет.)*

Врач. Не надо, пожалуйста, не плачьте. Какое нам дело до его слов?

Надежда Николаевна. Постойте, я закончу, что начала говорить о нем. Да, он говорил о вас. Потом о себе. Он сказал, что он гораздо более надежная опора, чем вы. Он напомнил мне, что три года тому назад я любила его и пошла бы за ним. И когда я сказала, что он обманывает сам себя, вся его гордость вспыхнула, и он до такой степени вышел из себя, что бросился на меня. Никогда я не видела такого ужасного лица. Я упала на стул почти без сил. Но вдруг он остановился и пошел к двери. У двери обернулся и странно так засмеялся и говорит: "Впрочем, я еще увижусь с тобой и с ним". И лицо его было так ужасно...

В свете на заднем плане Сергей. Персонажи, ведущие диалоги, остаются все на своих местах

Сергей. Не ждали?

Надежда Николаевна. Сергей, зачем ты сюда пришел? Если ты хочешь говорить со мной, поди успокойся.

Сергей. Я спокоен... Я болен, но спокоен. Я уже решил все, и мне не от чего волноваться. Я пришел, чтобы сказать тебе несколько слов. Ты думаешь быть счастливым с ней? Вы не будете счастливы! Я не позволю вам этого.

Врач. Уйди отсюда, отдохни. Сам сказал, что болен.

Сергей. Это мое дело. Вы слушайте, что я вам скажу. Я ошибся... Я виноват. Я люблю ее. Отдай ее мне.

Врач. Ты действительно сошел с ума!

Сергей. Да, может быть, тебе виднее... Я не могу жить без нее. Я не выпущу вас, пока вы оба не скажете мне "да!"

Надежда Николаевна *(в отчаянии).* Сергей!

Сергей. И вы скажете мне это "да", или... *(Опускает руку в карман.)*

Затемнение, персонажей на заднем плане не видно. Два выстрела в темноте.

Врач *(достает из ящика стола револьвер).* Меня не судили. "Дело" прекращено: было признано, что я убил, защищаясь. Но для человеческой совести нет писаных законов, и я несу за свое преступление казнь. И сколько мне нести ее? И если Господь когда-нибудь простит меня, мы встретимся все там, где наши страсти и страдания покажутся нам ничтожными и потонут в свете вечной любви.

Затемнение.

Просцениум. Появляется Безумец. Видно, что рукава смиренной рубашки разодраны.

Безумец. Скоро, скоро распадутся железные решетки, все эти заточенные выйдут отсюда и помчатся во все концы земли, и весь мир содрогнется, сбросит с себя ветхую оболочку и явится в новой, чудной красоте...

Но они не видели его. Это таинственное, страшное существо. Противоположность Богу. Ариман. Злое начало, источник всего злого, принявший скромный и невинный вид. Он меняет имена. Я узнал, теперь его имя - Черная магия. Нужно сорвать его и убить. Но этого мало, - нужно не дать ему при издыхании излить все свое зло в мир. Я сорву и спрячу его у себя на груди, и его зло перейдет в мою грудь, мою душу, и там будет побеждено. А если оно победит, тогда я погибну сам. Я умру, но умру как честный боец и как первый боец человечества, потому что до сих пор никто не осмеливался бороться разом со всем злом мира...

Я увидел его. Могу ли я оставить его жить? Лучше смерть.

(Торопливо уходит.)

Оранжерея. Все, как в первой сцене. Attalea Sexta по-прежнему удерживают веревки.

Саговая пальма. Невыносимо, невыносимо... Жажду, дайте воды.

Шаровидный кактус (*хихикая*). Высокий штиль!

Саговая пальма. Да, мне плохо и душно. (*К Attalea Sexta*). Соседка, почему вы все время молчите? Молчите – и растете. Молчите – и растете. Вон как уже выросла!

Жаба. Что ж, что выросла! Эка невидаль! Вот если б она сумела растолстеть так, как я! И чего тянется? Всё равно ничего не сделает. Решетки прочны, и стекла толсты.

Attalea Sexta пытается высвободиться от веревок, изгибается, упирается веками и кроной в стеклянный потолок оранжерей.

Древовидный папоротник. Верхушка у нее скомкалась, а прутья рамы впились в листья, перерезали и изуродовали их, а она, упрямица, не жалеет своих листьев.

Опунция. А это она нам назло. И молчит назло.

Газонная травка (*обнимая ствол Attalea Sexta*). Вам же больно! Если рамы уж так прочны, не лучше ли отступить?

Attalea Sexta. Что ж с того, если я так хочу выйти на свободу. Не ты ли ободряла меня прежде?

Газонная травка. Да, я ободряла, но я не знала, что это так трудно. Мне жаль вас. Вы так страдаете.

Attalea Sexta. Молчи, слабое растение! Не жалея меня! Я умру или освобожусь!

Яростно старается освободиться от веревок, ей это удастся, она распрямляется. Слышен звон разбитого стекла, и крона пальмы устремляется вверх. Возгласы оранжерейных растений: им холодно. Шум осеннего ветра и дождя.

Attalea Sexta (*осматриваясь вокруг*). Только-то? И это всё, из-за чего я томила и страдала так долго? И этого-то достигнуть было для меня высочайшей целью?"

Ее крона раскачивается под порывами ветра. В шуме ветра слышны слова, обращенные к Attalea Sexta: "Замерзнешь! Ты не знаешь, что такое мороз. Ты не умеешь терпеть. Зачем ты выжила из своей теплицы?"

Attalea Sexta. Да, все кончено. Вернуться снова под крышу? Но я уже не могу вернуться. Я должна стоять на холодном ветре, чувствовать его порывы и острое прикосновение дождя, смотреть на грязное небо, на нищую природу, на грязный задний двор

ботанического сада, на скучный огромный город, видневшийся в тумане, и ждать, пока люди там, внизу, в теплице, не решат, что делать с мною. Я застываю...замерзаю... умираю...

Саговая пальма. Ох, какой сквозняк. Я обязательно простужусь и погибну.

Шаровидный кактус. Я сейчас замерзну изнутри – и лопну!

Древовидный папоротник (*кутаясь в листву*). Только этого еще не хватало. (*Саговой пальме*). Вам же все время было душно. Вот, дышите теперь. (*Глядя на Attalea Sexta*). Вот чертова кукла что удумала!

Роза (*дрожжа от холода*). Помогите! Я сейчас совсем окоченею.

Опунция. Никто тебе тут не поможет. Тут каждый за себя.

Жаба. А я помогу.

Роза. О! Благодарю вас.

Жаба. Чтобы ты не окоченела, я тебя слопаю. Ха-ха-ха!

Роза (*стонет*). О-о!

Жаба. Теперь я знаю, как добраться до тебя, чтобы не уколоться о твои шипы. Я подберусь к тебе сверху, вон по той лиане, что нависает над тобой. Ха-ха-ха!

Роза (*стонет*). О-о-о!

Около оранжереи появляется Безумец. Подходит к окну оранжереи напротив Розы. Пробирается открыть дверь, потом ищет камень или палку, чтобы разбить стекло.

Безумец. Последний! Последний! Сегодня победа или смерть. Но это для меня уже все равно. (*Взглянув на небо*) Погодите, я скоро буду с вами.

Замечает, что Attalea Sexta выбралась на волю, а через разбитый стеклянный потолок можно спуститься по ее стволу вниз.

Вот! Она страдала. Она тоже страдала. Ради того, чтобы показать путь другим.

Карабкается с другой стороны оранжереи к крыше, пролезает через пробитое Attalea Sexta отверстие. И спускается по стволу внутрь оранжереи. А в это время Жаба с нависающей над Розой лианы, тянется к цветку, противно хихикая.

Роза (*в отчаянии*). Боже мой! Боже! За что мне такое? За что? Хоть бы умереть другою смертью!

В это время Безумец оказывается около Розы и срывает цветок. Жаба, потеряв равновесие, падает в колючие розовые кусты и погибает.

Безумец (*держа в руке цветок*). Последний! (*Сминает цветок, прижимая его к груди*). Вот так! Всё! (*Глядя вверх*) Я иду к вам! (*Падает замертво.*)

Смотритель, обеспокоенный шумом, появляется в Оранжерее. Видит сначала, что случилось с Attalea Sexta и растениями. Потом видит лежащего Безумца. Наклоняется над ним, проверяет, жив ли. Спешно уходит. Через минуту появляются два санитары. Санитары укладывают Безумца на носилки. Один пытается вытащить из рук цветок.

1-й Санитар. Не разжать!

2-й Санитар. И не надо. Пусть унесет свой трофей в могилу.

Смеются. Уносят на носилках мертвого Безумца.

Появляется Смотритель с рабочими оранжереи.

Смотритель. Нужно быстро застеклить потолок, иначе все растения погибнут.

1-й Рабочий (показывая на *Attalea Sexta*). А с деревом что?

Смотритель. Директор приказал спилить. Только надо так, чтобы она падая не задела стен оранжереи. Привяжите ее и низко, у самого корня спилите.

2-й Рабочий. А может, надстроить над ней колпак? Жалко все-таки.

Смотритель. Делай, что говорят. Колпак все равно ненадолго. И слишком дорого. Пора господину директору отказаться от гигантских растений и переходить на кактусы.

Рабочие устанавливают шесты, привязывают пальму и начинают спиливать около корня. Смотритель осматривает растения. Во время этого действия фоном идет мелодекламация - стихотворение В.М.Гаршина «Пленница»

Прекрасная пальма высокой вершиной
В стеклянную крышу стучит;
Пробито стекло, изогнулось железо,
И путь на свободу открыт.

И отпрыск от пальмы султаном зеленым
Поднялся в пробоину ту;
Над сводом прозрачным, под небом лазурным
Он гордо глядит в высоту.

И жажда свободы его утолилась:
Он видит небесный простор,
И солнце ласкает (холодное солнце!)
Его изумрудный убор.

Средь чуждой природы, средь странных собратий,
Средь сосен, берез и елей,
Он грустно поникнул, как будто бы вспомнил
О небе отчизны своей;

Отчизны, где вечно природа пирует,
Где теплые реки текут,
Где нет ни стекла, ни решеток железных,
Где пальмы на воле растут.

Но вот он замечен; его преступленье
Садовник исправить велел, --
И скоро над бедной прекрасною пальмой
Безжалостный нож заблестел.

От дерева царский венец отделили,
Оно содрогнулось стволом,
И трепетом шумным ответили дружно
Товарищи-пальмы кругом.

И снова заделали путь на свободу,
И стекла узорчатых рам
Стоят на дороге к холодному солнцу
И бледным чужим небесам.

Появляется Врач. Смотритель видит его из окна и выходит к нему через служебный вход. Врач пристально всматривается в его лицо. В это время работники вытаскивают Attalea Sexta наружу и бросают под окнами оранжереи.

Смотритель. Зачем сюда-то? Ну, хорошо, хорошо, потом распишите и откатите на задний двор.

Врач (*пристально глядя на Смотрителя*). Я вижу, у вас несчастье.

Смотритель (*глядя на рабочих в оранжерее*). У нас несчастье, у вас – горе.

Врач. Клиника, очевидно, должна будет возместить ущерб, причиненный нашим пациентом. Я готов. Когда я смогу поговорить с господином директором?

Смотритель (*сухо*). Никакого ущерба. Пальма пробила потолок, роза замерзла от холода, я срезал замерзший цветок. Всё. Так что идите, идите с миром. К своим больным. (*Кричит в глубь оранжереи работникам*). Михаил, заделывай быстрее, ты все цветы заморозишь! Федор, не стой, выкопай вон ту травку, она совсем пожухла. (*Уходит.*)

Врач несколько секунд стоит один, потом уходит.

Затемнение.

Кабинет Врача.

Врач (*один*). Он не узнал меня. Нет, не узнал. Да как узнаешь в сутулом, мрачном человеке того розовощекого юношу с горящим взором... Несчастный Безумец имел цель уничтожить мировое зло. (*С легкой иронией*). Какая благородная цель желать вселенского счастья. Да можем ли мы сделать счастливым хотя бы одного человека? ... Ах, да... он тогда ушел с дороги, чтобы счастливы были двое. Двое счастливых лучше трех несчастных, так он решил. А какова же моя арифметика? А моя арифметика проста. Трое несчастных и ни одного счастливого. (*Бьют стенные часы.*) «Помни, помни, помни». Все перебрал я в своей памяти. Я лгал другим, но лгал и самому себе. Так обманывает других мошенник, притворяющийся богачом, рассказывающий о своих богатствах, которые где-то "там", "не получены", но которые есть, и занимающий деньги направо и налево. Я всю жизнь должен был самому себе. Теперь настал срок расчета - и я банкрот, злостный, заведомый... Врач, которому не суждено излечить ни одного больного и потому к ним равнодушного, муж, не любивший жену свою, несостоявшийся ... или несостоятельный... любовник, друг, который предал... В моей душе всегда говорили какие-то голоса: говорили они разное, и какой из этих голосов принадлежит именно мне, моему "я", я не мог раньше понять. Первый голос самый ясный, он бичевал меня определенными, даже красивыми фразами, как и сейчас я бичую себя вслух. Второй голос, неясный, но привязчивый и настойчивый, иногда заглушал первый. "Не казись, - говорил он: - зачем? Лучше обманывай до конца, обмани всех. Сделай из себя для других не то, что ты есть, и будет тебе хорошо». Да разве вышло "хорошо"? А теперь, теперь звучит еще третий голос. Он говорит робко и едва слышно. Но я слышу его... Слышу... Узел завязан так, что не развяжешь: нужно разрубить его... А тот, тот Безумец, умер счастливым...

Затемнение. В темноте раздается выстрел.

Просцениум. Выходит Смотритель. Бьют городские часы.

Смотритель. Бом! Час... Вот так стужа. Невиданная для ноября. Холод дает знать о себе, если не спрятаться от него в теплое место. А река словно ледяная пустыня... Как ноет сегодня нога. Ее давно нет, а она ноет...ноет...

Я узнал его... Как я мог его не узнать, хотя время не красит... Вот как выходит. Судьба, кажется разведет, разбросает по всем четырем сторонам света, а потом подсовывает тебе твое прошлое, тычет тебе его в бок: «Смотри, смотри!»... Значит, и она здесь с ним, рядом.

Добрая душа. Наверняка помогает ему и этим несчастным. Господи! Как хорошо, что мы не встретились. А ведь могли бы! Прочь, прочь! (С удивлением) Я трушу?.. Я трушу. Я боюсь, что все вышло не так, как должно было. Но мне не исправить тогдашнего уравнения с тремя известными. Значит, опять уходить?.. Домой, скорей. Так быстро, насколько могу. Соберу чемодан и утром... Куда?.. Бом! Бом! Не бьете? Часу не прошло... Иногда жизнь часом летит... Куда?.. Надо подумать. Думы всегда с человеком. Безумен он или в здравом уме, значения не имеет... Домой! Заварю крепкого чаю и крепко подумаю... Подумаю... (Уходя) Подумаю...

КОНЕЦ

**1) Роли экзотических растений могут быть решены как в актерском, так и в кукольном исполнении. Возможен вариант в котором актеры выступают с перчаточными куклами.*

2) Если пространство сцены позволяет, оранжерея и лечебница (кабинет врача) располагаются по разные стороны. Переход может совершаться посредством затемнения либо задергиванием черной занавесью одной из сторон.

Ноябрь 2014 г.